

Историософия свободы в творчестве Пушкина.

По современным меркам Пушкин жил недолго и умер почти молодым. Уже в юные годы благодаря вдохновенным наитиям он поэтически выразил целостное и совершенное видение мира, не лишённое искусительных противоречий, свойственных человеку в его развитии, но скрепленное единой преобладающей в борениях верой – Православием. Юношеские сверхсознательные прозрения сути бытия подтверждались в творчестве поэта до конца земного поприща, но вместе с тем ему, как и всем молодым в любые времена, было свойственно все испытывать, пробовать на себе. А он был еще и детищем своей романтической эпохи, тяга которой к духовным искушениям достигла небывалой силы. Его духовные опыты, воплощенные в поэтическом слове, поучительны для подрастающих поколений.

Различные сознательно допускаемые духовные искушения тесно связаны со свободным выбором жизненного пути. Мысли о свободе как высшем состоянии человеческой души и божественном даре пронизывают, скрепляют все творчество Пушкина. Однако эти мысли сопряжены с различными искусительными представлениями, свойственными той эпохе, да и всем эпохам вообще. Православное мистическое понимание свободы утверждается в душе и творчестве Пушкина через отвержение магического, богоборческого понимания.

Свободой, в представлении поэта, определяется бытие каждого человека, каждого народа и всего человечества. По уровню свободы различаются виды государственного устройства. Источник свободы – Бог. Кто отрицает это – «безбожный безумец» («Пир во время чумы», 1830).

Рекли безумцы: нет свободы,

И им поверили народы.

(«Зачем ты послан был и кто тебя послал?», 1824)¹.

В этом стихотворении поэт частично пересказывает сходное по смыслу начало двух псалмов – 13-го и 52-го, заменяя слово «Бог» на «свободу»: «Рече безумень в сердца своемъ: несть Богъ» (Пс. 13:1; 52:2). В стихотворении говорится о безбожных масонах, совершивших французскую революцию 1789 – 1794 годов, и о их преемнике Наполеоне. Под видом насаждения свободы они уничтожали истинную свободу, потому что свобода только в Боге и от Бога, а они отвергли Бога. Поэтому революция, по видимости провозгласившая свободу, завершилась тиранией Наполеона.

¹ Сочинения Пушкина приводятся по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977 – 1979.

Истинная свобода осуществляется через выбор человека между добром и злом, то есть между благодатью и ее отвержением, между служением Богу и служением дьяволу. Поэтому в раздумьях о Наполеоне Пушкин спрашивает:

Зачем ты послан был и кто тебя послал?

Чего, добра иль зла ты верный был свершитель?

Ответ очевиден: самопровозглашенный император по сути продолжает дело революционеров, богоборствуя и творя разрушительное насилие над народом и государством:

Разоблаченные пустыли алтари,

Свободы буря подымалась.

И вдруг нагрязнула ... Упали в прах и кровь,

Разбились ветхие скрижали,

Явился муж судеб, рабы затихли вновь,

Мечи да цепи зазвучали.

Ложная свобода, основанная на самоутверждении гордого человека, завершается выбором зла, отвержением Божиих заповедей, а значит, и уничтожением самой себя:

И безразлично, в их речах,

добро и зло, всё стало тенью –

Всё было предано презренью,

Как ветру предан дольний прах.

В историософских представлениях Пушкина христианский по видимости Запад, постепенно отвергая Православие, разрушил богоданную симфонию властей: церковной и государственной – как она возникла во времена святого Константина Великого, утвердилась в Византии, а затем развивалась и на Руси после ее Крещения. На Западе стали возникать разные формы безбожного «самовластия», когда либо государство стягивало на себя всю власть (таковы монархии по типу языческой римской империи), либо Церковь вбирала в себя государство (правление папы римского).

К тираническим властителям западного рода обращено предупреждение Пушкина в оде «Вольность» (1817), где под высшим Законом понимается божественная власть, осуществляемая через Церковь в составе православной симфонии властей:

Владыки! вам венец и трон

Дает Закон – а не природа;

Стоите выше вы народа,

Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,

Где дремлет он неосторожно,

Где иль народу, иль царям

Законом властвовать возможно!

Пушкин понимал всю ложность безбожной свободы, которая будто бы утверждалась на Западе при замене тиранического самовластия на демократию. Обличать и осмеивать мнимую свободу западной демократии поэт продолжал до конца жизни:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
(«Из Пиндемонти»), 1836).

В юношеской оде «Вольность» ненависть к безбожной тирании наполеоновского толка, то есть порождаемой из недр демократии (тоже тиранической, потому что безбожной), Пушкин выражает крайне резко, не предполагая, впрочем, ее насильственного свержения, но веруя в суд Божий над проклятым тираном:

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.
(«Вольность»).

В «Кинжале» (1821) к тиранам, получившим справедливое возмездие, Пушкин причислил Марата – олицетворение демократического революционного диктата и террора. В его произведениях кровью мечены и тирания, и демократия, и просто разбой («Братья разбойники», 1821 – 1822), и притязания на власть справедливую, хотя и преступно захваченную («Борис Годунов», 1824 – 1825; «Капитанская дочка», 1833 – 1836 – здесь Пугачев отражение самой Екатерины II), да и вообще всякая сильная власть, основанная на своеволии и самолюбии («Анджело», 1833).

В оде «Вольность» поэт резко осуждает убийства законных (попущенных Богом) властителей: императора Павла в России (автор именует его «мучеником») и короля Людовика во Франции. Но он видит закономерность их гибели, так как до них и при них подлинное христианское самодержавие слишком сильно уклонялось в сторону самовластия, разрушая православную симфонию властей. Выход из этого исторического тупика один – возврат к бого-

данной самодержавной власти, к почитанию Бога и Его Закона на земле – возврат к союзу с Церковью:

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Именно так восстанавливается истинная свобода в душе правителя, в душах его подданных, в соборной душе народа, в государстве.

Умудренный не по годам, Пушкин понимает, что помимо благих пожеланий, правильных поучений и праведных дел для исправления земной жизни необходимо прежде всего таинственное благоволение Промысла Божьего, позволяющего людям добровольно вернуться к Закону, то есть к подлинной свободе, а пока этого нет, остается призывать, трудиться, надеяться, верить и ждать, когда свышеданные благие перемены свершатся с неотвратимостью хода планет в богозданной вселенной:

Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!
(«К Чаадаеву», 1818).

Символ восходящей звезды внятно говорит о сверхчеловеческой предопределенности событий. Упомянутый «сон» России – это наваждение неправильного жизненного выбора, последствие дурной воли (и отнюдь не одних только царей: в выборе всегда участвует и «безмолвствующий» народ, как показал поэт спустя несколько лет в «Борисе Годунове»). Пушкин надеется, что вера православная, а с нею и свобода, возродятся неотвратимо, как некогда Рождество Спасителя было ознаменовано восходящей звездой, – и тогда самовластье рухнет, не будучи внутренне устойчивым без опоры на Церковь.

Однако порою в душу поэта приходит и смиренная печаль от осознания своего временного бессилия:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработанные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

(«Свободы сеятель пустынный...», 1822).

Эпиграф к этому стихотворению – ясная отсылка к Слову Божьему в евангельской притче: «Изыде сеятель сеяти семена своя» (Лк. 8:5). «Звезда» еще не взошла. Вера не возродилась. Семена духовного порыва упали на неблагодарную почву народной души, примирившейся с рабской долей. Презрение к бесчестным «мирным народам» – это не столько гордыня, сколько прозябающая в душе поэта пророческая горечь: чтобы обрести истинную свободу и выйти из египетского плена мира сего, необходимо соизволение и каждого человека, и целого народа, то есть необходимо сознательное подчинение себя Промыслу Божьему с прорывом из области притяжения земных прелестей, с отказом от вожделения рабской похлебки.

Пагубные изменения, связанные с упадком веры и нарушением православной симфонии властей, Пушкин наблюдает в русской истории, начиная с правления Петра I: «Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки <...>» («Заметки по русской истории XVIII века», 1822). Крайней степени эти изменения достигают при Екатерине II: «Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа <...>. Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. <...> От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии; <...> может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек на счет всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» («Заметки по русской истории XVIII века», 1822).

Пушкин уже в юности понимал, что именно Православие исторически способствовало и может еще поспособствовать (при условии возрождения этой веры) правильному симфоническому взаимодействию Церкви и государства, а значит – сохранению той и другой основы народной жизни, иными словами – сохранению самого народа (в отличие от воздействия католичества на жизнь западных народов): «В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством» («Заметки по русской истории XVIII века», 1822).

В зрелые годы Пушкин решит, что уже правление Александра I, которого он в юности недолюбливал, наметило поворот государственного развития к православной симфонии властей, в особенности после победы над Наполеоном. Он вспоминает о русском царе, как освободителе не только России, но и западных народов от гнета самовластия:

Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
(«Была пора: наш праздник молодой...», 1836).

Этот благой поворот закрепился при Николае I:

И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи <...>
(«Была пора: наш праздник молодой...», 1836).

Богоугодное направление государственной власти при Николае I Пушкин распознал сразу после восшествия царя на престол. В «Стансах» (1826) он сравнил Николая с Петром I, подчеркнув в правлении Петра светлую самодержавную, а не самовластную основу:

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.
<...>
Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь прашуру подобен:
Как он неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Для свободного процветания народа, для укрепления государства на основе истинной свободы нужно, чтобы и царь, и каждый его подданный душою устремлялись к Богу. Такое стремление предполагает освобождение от стра-

стей, грехов. И Пушкин всю жизнь, преодолевая искушения, стремился к такой свободе:

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.
(«Напрасно я бегу к сионским высотам...», 1836).

Слово «напрасно» привносит в стихотворение многозначительную игру смысла: по-церковнославянски, то есть по-православному, оно означает «быстро, стремительно, резко». Поэт намекает читателям, что стремление к духовному совершенствованию, кажущееся «напрасным» с мирской бездуховной точки зрения, на самом деле – для православных людей – не тщетно и может привести душу каждого человека к богоданной свободе. Высшую цель этого движения души к истинной свободе поэт обозначил в стихотворении «Монастырь на Казбеке» (1829):

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

Казалось бы, монашество как бегство из ущелья мира сего не способствует земному процветанию народа и развитию государства. Однако Пушкин уже в юности понимал, что в свете православно понимаемой свободы всё ровно наоборот – крайняя степень бегства от мирской суеты к Богу не является гордым отрывом от своего народа, но, напротив, становится высшей степенью общественного служения: «Мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением» («Заметки по русской истории XVIII века», 1822).